

Юревич А.В., Ушаков Д.В., Цапенко И.П. Количественная оценка макропсихологического состояния современного российского общества

English version: [Yurevich A.V., Ushakov D.V., Tsapenko I.P. Quantitative estimation of macropsychological condition of modern Russian society](#)

Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия

Институт Мировой Экономики и Международных Отношений, Москва, Россия

[Сведения об авторах](#)
[Ссылка для цитирования](#)

Авторы описывают разработанный ими композитный индекс макропсихологического состояния общества, соотнося его с другими, схожими по смыслу показателями. На основе использования этого индекса прослежена динамика психологического состояния российского общества в годы реформ. Полученные данные демонстрируют крайне неудовлетворительное психологическое состояние нашего общества, что имеет целый ряд негативных последствий. Обосновывается вывод о необходимости радикального изменения целей и ориентиров общественного развития, сводившихся в первые годы реформ преимущественно к экономическим показателям.

Ключевые слова: экономический детерминизм, макропсихология, психологическое состояние общества, композитный индекс, социальное самочувствие, социальный оптимизм, реформы

Количественная оценка психологического состояния общества

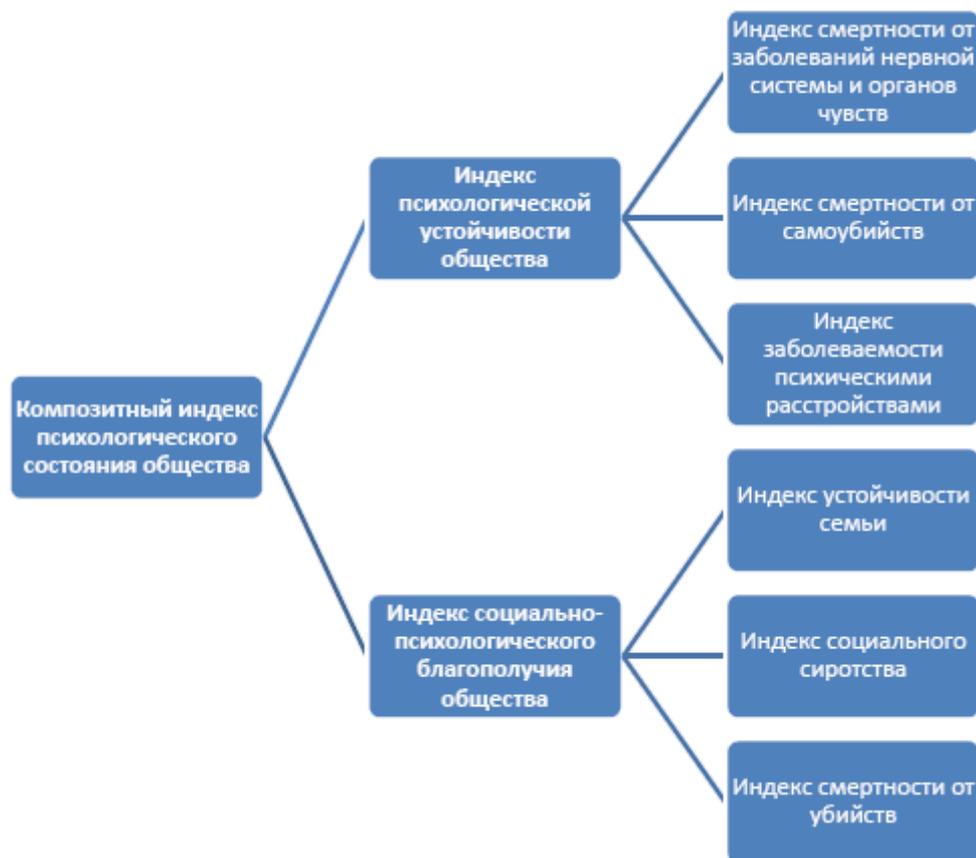
В первые годы реформ для нашего общественного сознания был характерен «экономический детерминизм» – восприятие и объяснение происходящего в социуме как детерминированного преимущественно экономическими причинами. Практически все основные цели, которые ставились перед нашим обществом в начале реформ – построение рыночной экономики, рост ВВП, укрепление рубля, снижение инфляции и т.п., – носили чисто экономический характер, а такие проблемы, как острейшая социальная несправедливость, криминализация, коррупция, деградация морали, социальная и физическая незащищенность граждан и др., хотя и не были обделены вниманием властных структур и СМИ, все же рассматривались в качестве второстепенных. Разумеется, было бы абсурдным отрицать чрезвычайную важность перечисленных экономических целей, но их достижение само по себе не обеспечивает главной задачи любых реформ – *повышения благополучия граждан*, а, например, вопрос о том, можно ли считать благополучной страну, где ВВП растет, а численность населения ежегодно сокращается, принадлежит к числу риторических.

Несмотря на очевидные недостатки «экономического детерминизма», который А.Токвилль подвергает в своих работах [Toqueville, 1955; и др.] разрушительной критике, К.Поланьи называет «экономическим заблуждением» [Polanyi, 1957], а М.Рац – «отрыжкой марксизма», подчеркивая производительность «упертости в экономику» от марксистского деления общества на экономический базис и, в общем-то, второстепенную социальную надстройку [Рац, 1997], подобный стиль мышления и объяснения происходящего в обществе не преодолен до сих пор, причем нашим экономистам-либералам, формально отвергнувшим марксизм, он свойственен не меньше, чем его правоверным адептам, свидетельством чему может служить, например, последняя книга Е.Т.Гайдара [Гайдар, 2006] [1].

Вместе с тем в современной социогуманитарной науке сложилась очевидная необходимость более разностороннего, многомерного видения общества и многопланового рассмотрения факторов,

влияющих на происходящее в социуме, и перспективы его развития.

Одним из таких факторов является *психологическое состояние общества* [2], по своей значимости вполне сопоставимое с его политическими и экономическими характеристиками. Для оценки этого состояния нами был разработан *композитный индекс макropsychологического состояния общества*, объединяющий два вторичных индекса – индекс психологической устойчивости общества и индекс его социально-психологического благополучия, каждый из которых в свою очередь интегрирует три первичных индекса (рис. 1) [3].

Рис. 1. Структура композитного индекса психологического состояния общества.

В качестве первичных индексов рассматривались показатели, во-первых, релевантные макropsychологическому состоянию общества и выражающие его; во-вторых, оцениваемые количественными показателями, которые имеются в статистических справочниках. В этом плане расчет данного индекса продолжает традицию, сложившуюся хотя и не в психологической науке, но имеющую к ней непосредственное отношение [Гундаров, 2001; и др.]. В частности, как отмечает В.В.Сулакшин, «в научной литературе известны попытки косвенного описания психологического состояния общества через количественные замеры девиантного поведения: убийств, самоубийств, проявления поведенческих агрессий, для которых существуют статистические данные» [Сулакшин, 2006, с. 76–77]. А первой попыткой такого рода исследования, очевидно, следует считать одну из наиболее резонансных работ Э.Дюркгейма [Дюркгейм, 1998].

На первый взгляд, подобный подход – оценка психологического состояния общества по его *социальным* проявлениям, фиксируемым на уровне статистики, – существенно отличается от традиции вычисления количественных показателей, сложившейся в самой психологической науке. Однако эти различия не следует переоценивать. В тех случаях, когда психолог судит, например, о психологических качествах человека по результатам их тестирования, он тоже оценивает скрытые психологические сущности по их поведенческим или вербальным проявлениям. И в этом плане оценка психологического состояния общества на основе статистических данных не имеет принципиальных отличий от повседневной исследовательской практики психологов – за одним

исключением, состоящим в том, что в первом случае «скрытой психологической сущностью» выступает психологическое состояние не отдельного человека, а общества в целом.

Аналогичный подход становится очень характерным для современной социогуманитарной науки, параллельно распространяясь в различных дисциплинах – в социологии, демографии и т.д. Социологи вычисляют индексы социальных настроений, социального оптимизма, удовлетворенности жизнью, социального самочувствия населения и др. [Балацкий, 2005; Бойко, 1986], имеющие ярко выраженную психологическую составляющую[4]. Демографы подсчитывают такие, тоже имеющие психологический оттенок индексы, как коэффициент витальности страны [Сулакшин, 2006][5]. Широкое распространение получили и исследования такого феномена, как качество жизни, а также близких ему феноменов – субъективного благополучия и др., в изучении которых активное участие принимают и психологи [Biderman, 1970; Keltner, Locke, Audrian, 1993). В разных социогуманитарных дисциплинах, тенденции имеют общий знаменатель – *стремление количественно оценить социальные и психологические характеристики общества*, которые традиционно носили качественный характер, а также акцентировать для власти и общественного сознания их значимость в наиболее убедительной форме – в виде количественно зафиксированных тенденций[6].

Относительно первичных показателей, положенных в основу расчета композитного индекса макропсихологического состояния общества, тоже следует сделать ряд замечаний.

Во-первых, каждый из показателей в рамках сложившейся традиции их использования, как правило, употребляется не в психологическом значении. Однако, наряду с этими значениями, каждый из показателей обладает и психологическим смыслом. Первичные показатели, на основе которых рассчитывается первый вторичный индекс, в большей степени релевантны *уровню личности* и характеризуют ее психологическую устойчивость, а первичные показатели, лежащие в основе второго вторичного индекса, релевантны *уровню межличностных отношений*, характеризуют степень их благополучности, устойчивость «первичных ячеек» общества, свойственное ему отношение к детям и к человеческой жизни вообще, сложившуюся в нем морально-психологическую атмосферу и т.п. При этом каждый из первичных показателей представляет собой «агрегированное явление, в котором уже произведено первичное "схлопывание", сжатие социальной информации» [Балацкий, 2005, с. 43].

Во-вторых, композитный индекс макропсихологического состояния общества интегрирует далеко не все показатели, имеющие макропсихологический смысл. Вообще довольно трудно найти существенный для общества и потому фиксируемый в статистических справочниках показатель, который был бы полностью лишен психологического значения. Вместе с тем построение композитных индексов предполагает естественные ограничения: нельзя «объять необъятное», охватив все более или менее релевантные показатели, и к тому же они обладают разной степенью психологической релевантности. Как подчеркивает Е.В.Балацкий, «число факторов не должно быть слишком большим (не больше 15), поскольку в противном случае индекс станет непрозрачным, а интерпретация количественных результатов превратится в трудоемкую процедуру» [Балацкий, 2005, с. 43]. Поэтому в композитный индекс были включены лишь статистические показатели, обладающие наибольшей психологической релевантностью.

В-третьих, не все показатели оказались приемлемыми в условиях сложившейся в нашей стране системы их расчетов. Например, характеристикой общества, явно релевантной его психологическому состоянию, является уровень алкоголизма. Однако в нашей официальной статистике в качестве соответствующего показателя рассматривается количество лиц, обратившихся к наркологам. И, поскольку такая традиция, в отличие от традиции обильного потребления спиртного, не характерна для России (мало кто из наших сильно пьющих сограждан обращается к наркологам, имея для этого все основания), то по данному параметру мы выглядим как практически непьющая нация, что явно противоречит статистике потребления спиртного на душу населения.

В-четвертых, наиболее высокой психологической релевантностью обладают «мягкие» индексы – индексы социального самочувствия, социальных настроений и др., вычисляемые российскими социологическими службами. Однако они подсчитываются на основе выборочных опросов населения, несоотносимы с общестатистическими показателями и «привязаны» к определенным выборкам. Поэтому, не отвергая возможности вычисления и использования подобных индексов в

дальнейшем, на данном этапе было целесообразно ограничиться лишь «жесткими» индексами, вычисляемыми на основе общероссийских статистических показателей. Следует отметить и то, что «слишком «податливые» индикаторы часто улавливают случайные социальные изменения, своего рода «белый шум», что лишь дезориентирует аналитика» [Балацкий, 2005, с. 46]. Так что и в данном плане «жесткие» индексы имеют определенные преимущества.

Первичные индексы рассчитывались на базе удельных показателей, то есть соотношенных с численностью населения. Все значения показателей переводились в баллы от 1 до 10 (чем выше балл, тем выше значение соответствующего индикатора психологического состояния общества). Нормализация – перевод показателей в баллы – осуществлялась на основе сопоставления показателей по России с аналогичными показателями более развитых стран (согласно классификации ООН), разрабатываемыми соответствующими международными организациями. Первичный индекс – нормализованная оценка показателя в баллах от 1 до 10 – рассчитывался по формуле:

$$Y = 9x \frac{V_{\max} - V_y}{V_{\max} - V_{\min}} + 1,$$

где V_y – значение конкретного показателя для России за определенный год, $V_{\max}$ – максимальное значение показателя среди стран данной группы в течение рассматриваемого периода (1990–2004 гг.), $V_{\min}$ – минимальное значение соответствующего показателя в указанном международном контексте.

Вторичные индексы и композитный индекс рассчитывались как среднеарифметическое индексов более низкого порядка.

Обнаружилась высокая корреляция первичных индексов между собой, то есть *высокая согласованность различных показателей макропсихологического состояния общества* (табл. 1).

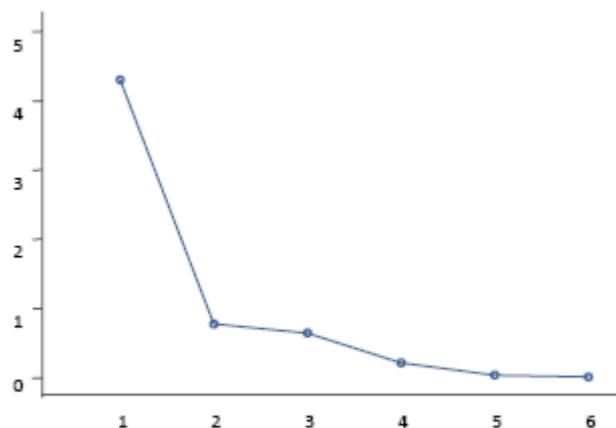
Таблица 1

Коэффициенты корреляции (Пирсона) первичных показателей

№ Показатели	Номер показателя					
	1	2	3	4	5	6
1 Коэффициент заболеваемости психическими расстройствами и т.п.		0,581	0,646	0,41	0,97	0,664
2 Коэффициент смертности от заболеваний нервной системы и органов чувств	0,581		0,756	0,492	0,684	0,865
3 Коэффициент смертности от самоубийств	0,646	0,756		0,284	0,716	0,905
4 Коэффициент разводимости	0,41	0,492	0,284		0,434	0,57
5 Удельное число детей и подростков без попечительства родителей	0,97	0,684	0,716	0,434		0,725
6 Коэффициент смертности от убийств	0,664	0,865	0,905	0,57	0,725	

Источник: расчеты авторов.

Высокая корреляция между первичными показателями свидетельствует об их взаимовлиянии. Одновременно она означает правомерность их объединения и рассмотрения в качестве выражения единого целого – макропсихологического состояния общества. Факторный анализ подтверждает этот вывод (рис. 2).

Рис. 2. Собственные значения факторов в факторном анализе компонентов композитного индекса макропсихологического состояния общества. Источник: расчеты авторов.

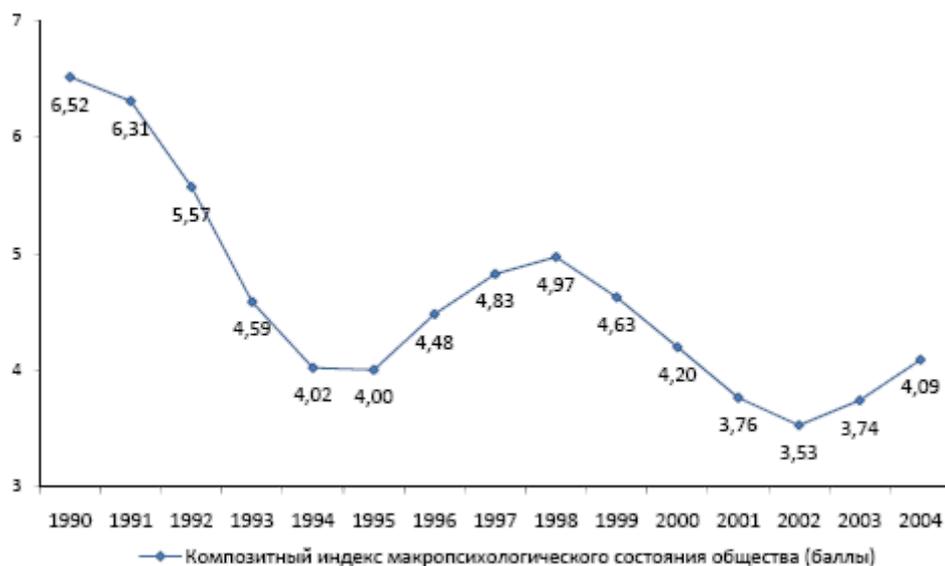
Первый фактор объясняет почти 72% дисперсии и удовлетворяет критерию Кайзера – преодолевает порог собственного значения в 1,0. Таким образом, макропсихологические индикаторы образуют структуру с выраженным генеральным фактором. Двухфакторное решение хотя и не достигает уровня статистической значимости, заслуживает внимания и поддается однозначной содержательной интерпретации. По первому фактору оказываются нагруженными все параметры, за исключением одного – числа разводов, которое проявляет себя как единственный параметр, имеющий высокую нагрузку по второму фактору.

Был проведен также дополнительный анализ динамики индекса психологического состояния общества. Исходное предположение состояло в том, что, возможно, некоторые параметры, вошедшие в индекс, быстрее реагируют на изменение этого состояния, чем другие. Для проверки этого предположения была подсчитана регрессионная зависимость динамических характеристик составляющих индекса – ежегодного прироста или снижения их величины, а также прогнозируемого значения индекса (на следующий год). Наиболее сильным предиктором изменения индекса оказался такой параметр, как возрастание или уменьшение количества убийств ($R^2 = 0,501$, $p < 0,004$). Таким образом, изменение криминальной обстановки в обществе наиболее чутко реагирует на наметившиеся изменения в его психологическом состоянии.

В целом проведенный статистико-математический анализ позволяет сделать вывод, что все макропсихологические характеристики общества, объединенные композитным индексом, выражают взаимосвязанные стороны его психологического состояния, различающиеся, однако, по динамике их проявления. Некоторые из них быстрее откликаются на его изменение, другие же обладают большей латенцией.

Психологическое состояние современного российского общества

Использование композитного индекса позволяет дать количественную оценку динамики психологического состояния нашего общества в годы реформ (рис. 3).

Рис. 3. Динамика психологического состояния российского общества в годы реформ. Источник: расчеты авторов.

Как видно на рис. 3, психологическое состояние российского общества, оцененное с помощью композитного индекса, постоянно ухудшалось с 1991 по 1994 гг., затем ежегодно улучшалось до 1998 г., впоследствии вновь ухудшалось до 2002 г., после чего обнаружило тенденцию к улучшению (значение индекса за 2005 г. не было вычислено, ввиду того что соответствующие первичные статистические данные пока отсутствуют) [7].

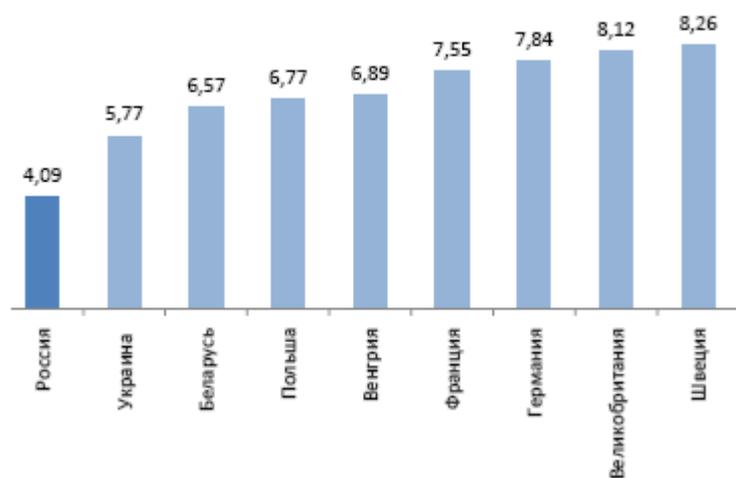
Подобную динамику несложно объяснить исходя из общих тенденций в развитии нашего общества и их преломления в психологическом состоянии населения. Радикальные социально-политические реформы, переход к рыночной экономике, «шоковая терапия» и т.п. вызвали дезадаптированность основной части населения к новому общественному устройству, приводя к ежегодному ухудшению его психологического состояния. Широко распространены такие характеристики первых лет реформ: «попытки вторгнуться в... источники мотиваций человека, навязывая ему иные, чуждые цивилизационные накопления, пытаясь насильственно ассимилировать российскую цивилизацию в западную, подменить ценностные и поведенческие матрицы, приводят только к стрессу, сопротивлению, психологическому дискомфорту» [Сулакшин, 2006, с. 46]. Симптоматично и то, что в эти годы широкое распространение получил такой тип социальной идентификации наших сограждан, как «жертва реформ» [Гундаров, 2001]. Приведем в данной связи и сделанный не психологом, а экономистом вывод о том, что «устойчивость социально-экономической системы обусловлена гомеостазом общества, достигаемым в процессе удовлетворения базовых человеческих инстинктов – самосохранения, самовоспроизводства (продолжения рода) и самореализации (самовыражения) [Балацкий, 2005, с. 43–44], который созвучен теории мотивации А.Маслоу (автор приведенного высказывания, правда, вспоминает в данной связи не теорию Маслоу, а традиции суфиев). Показательно и то, что наивысшими ценностями россиян в эти годы были социальная защищенность и возможность получить квалифицированную медицинскую помощь [Петренко, 2005], соответствующие потребностям в безопасности в иерархии потребностей, разработанной Маслоу.

К 1994 г. произошла психологическая адаптация большей части наших сограждан к реформам, что выразилось в тенденции к улучшению его психологического состояния [8], выявляемой и в других исследованиях. Например, применение семантического дифференциала продемонстрировало, что «после падения оценки по фактору «осмысленность бытия», пришедшегося на четыре предыдущих года, 1995 год характеризуется некоторым подъемом по этому измерению» [Петренко, 2005, с. 387–388]. «Можно полагать, – пишет В.Ф.Петренко, – что ощущения уныния и апатии, вызванные ломкой сложившегося уклада жизни и системы ценностей, постепенно сменяются адаптацией к условиям жизни и открытием новых возможностей для значительной части наших испытуемых (хочется верить – значительной части населения). Если эта тенденция верна, то возможен перелом (по крайней мере психологический) в осмыслении людьми собственной жизни в постперестроечный период» [Там же. С. 388].

Но в 1998 г. грянул дефолт, повлекший за собой ухудшение материального положения значительной части населения, а также нарастание недоверия к власти, массовое ощущение социальной нестабильности и др. [9], и породивший новую волну ухудшения психологического состояния российского общества. Как пишут О.Н.Дудченко и А.В.Мытиль, «наметившаяся стабилизация, ставшая результатом завершения первой адаптационной волны, этим кризисом [то есть дефолтом. – Д.У., И.Ц., А.Ю.] была разрушена. Общество в очередной раз встало перед проблемой реадaptации» [Дудченко, Мытиль, 2001, с. 620]. Ухудшение психологического состояния нашего общества продолжалось до 2002 г., когда ситуация в стране более или менее стабилизировалась и сформировались новые механизмы адаптации, после чего оно вновь стало улучшаться. Таким образом, психологическое состояние российского общества, измеряемое с помощью композитного индекса, чутко реагировало на происходящие в стране изменения, вместе с тем обнаруживая некоторое отставание от экономических и социально-политических событий, требующих времени для адаптации к ним и их психологического «переваривания» населением.

При этом можно постулировать по крайней мере три взаимодополняющих механизма влияния происходящего в обществе на психологическое состояние его граждан. Первый механизм представляет собой непосредственное воздействие. Если человек сам становится жертвой реформ, дефолта, криминала и т.п., это воздействует на его психологическое состояние самым непосредственным и «материальным» образом. Второй механизм – это воздействие через ожидания. Человек может не стать жертвой социальных коллизий, не потерять деньги в банке, не соприкоснуться с криминалом и др., но в условиях высокой вероятности всего этого жить в постоянном страхе, что тоже сказывается на его психологическом состоянии. Наконец третий механизм воздействия происходящего в обществе на психологическое состояние его граждан связан с тем, что даже если происходящее непосредственно не затрагивает нас, мы не относимся к нему бесстрастно. Ярким примером может служить переживание наблюдаемой нами несправедливости, всегда вызывающее острый психологический дискомфорт [Adams, 1965]. С начала 90-х нам постоянно приходится наблюдать не только несправедливость, но и всесилье криминала, коррупцию, детскую проституцию и многое другое, что делает трудным пребывание в хорошем психологическом состоянии.

Несмотря на некоторое улучшение ситуации в стране в последние годы, именуемое словом «стабилизация», основные причины, вызывавшие тревогу россиян в 90-е годы, сохраняются и поныне. В результате, хотя наметилась тенденция к улучшению психологического состояния нашего общества в последнее время, оно остается далеко не удовлетворительным. Об этом свидетельствует тот факт, что оно, как видно на рис. 4, и сейчас не достигает среднего уровня (то есть уровня в 5 единиц), а также соотношение соответствующих показателей в России и в ряде других стран, в том числе и в таких, как Украина и Беларусь (рис. 4).

Рис. 4. Композитный индекс макропсихологического состояния России и зарубежных стран, 2003–2004 гг. (баллы). Источник: расчеты авторов.

Соотнесение России с двумя упомянутыми странами СНГ, близкими нам по менталитету и другим

характеристикам, свидетельствует о том, что психологическое состояние общества не является линейной функцией его экономического состояния. Так, например, уровень жизни в России выше, чем в этих странах, однако их граждане не гибнут от терактов, живут в условиях менее криминализированных режимов и т.д., что, наряду с рядом других неэкономических факторов, обуславливает лучшее психологическое состояние [10].

Выявленная картина подтверждается сравнительными данными об уровне *социального оптимизма* в четырех странах: России, Казахстане, Беларуси и Украине.

Таблица 2

Индексы социального оптимизма, апрель 2005 г. (проценты)

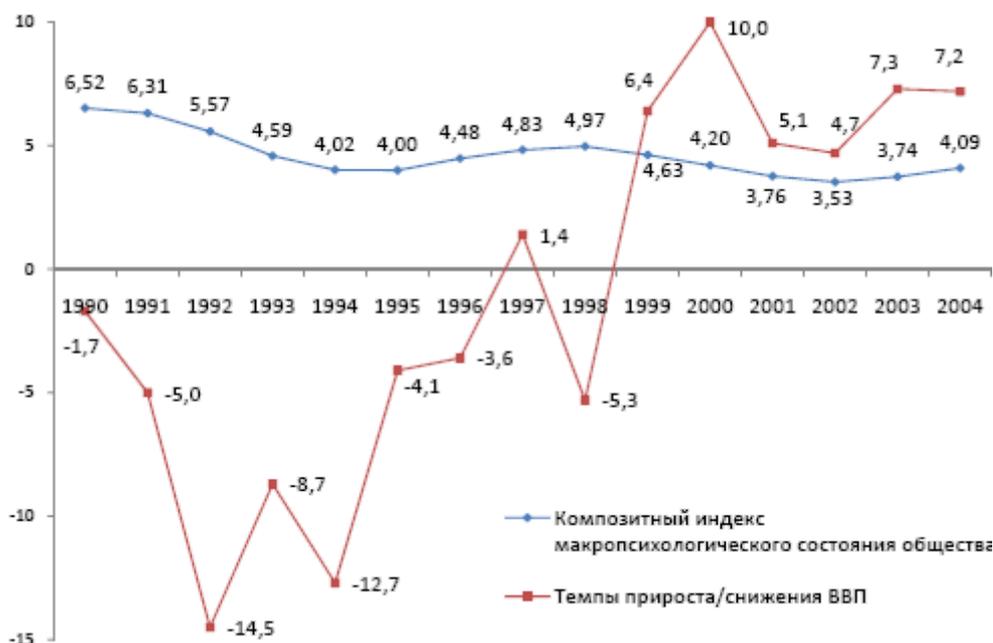
	Россия	Казахстан	Белоруссия	Украина
Индекс социального оптимизма	3,4	14,7	3,7	6,4

Источник: [Балацкий, 2005].

Прокомментируем представленное в таблице словами составившего ее автора: «Иерархия по уровню социального оптимизма такова: Казахстан, Украина, Белоруссия, Россия. Таким образом, среди россиян озабоченность будущим просматривается наиболее четко» [Балацкий, 2005, с. 53]. Далее этот же автор констатирует: «выявленный разрыв в уровне социального оптимизма весьма значителен. Так, разница между соответствующими индексами для Казахстана и России составляет почти 20 п.п. [процентных пунктов. – Д.У., И.Ц., А.Ю.]. Такое преимущество одной страны над другой следует классифицировать как принципиальное» [Там же. С. 53]. Основываясь на полученных данных, он делит страны Единого экономического пространства (ЕЭП) на две категории: страны с доминированием социального оптимизма – Казахстан и Украина, и страны с доминированием социального пессимизма – Беларусь и Россия.

Отметим в данной связи, что мы – россияне – традиционно сравниваем себя с Западом, именно его используя в качестве точки отсчета при оценке происходящего в нашей стране; как правило, выносим пессимистические оценки, однако при этом имплицитно допускаем, что в бывших «братских республиках» положение дел еще хуже, чем у нас. Приведенные данные демонстрируют, что это допущение ошибочно, и в плане социального оптимизма нам далеко не только до стран Запада, но и до Казахстана.

Отсутствие линейной связи между экономическим и психологическим состоянием общества обнаруживается также при соотнесении динамики соответствующих индексов (рис. 5).

Рис. 5. Композитный индекс макропсихологического состояния российского общества в соотнесении с темпами прироста / снижения ВВП. Источник: расчеты авторов.

Как видно на рис. 5, сопоставляемые индексы обнаруживают существенно различную динамику. Так, с 1992 по 1993 гг. увеличение значения нормализованного индекса прироста ВВП (не путать с фактическим темпом прироста ВВП) сочеталось со снижением индекса макропсихологического состояния общества, то же самое происходило в 1998–2000 гг., а в 1997–1998 гг. наблюдалась обратная картина. Это служит очередным опровержением «экономического детерминизма», а также свидетельствует о том, что, во-первых, рост макроэкономических показателей далеко не всегда сказывается на жизни основной части населения, во-вторых, экономические улучшения в обществе не сразу вызывают позитивные социальные и психологические изменения, в-третьих, психологическое состояние общества отражает не только его экономическое состояние, но и многое другое.

Второе из сформулированных утверждений может быть принято в качестве общей закономерности. В частности, «экономические последствия, как показывает опыт западных стран, нивелируются гораздо быстрее, чем последствия социальной дезадаптации личности» [Журавлева, 2001, с. 509]. В результате трудно ожидать высокой жизнеспособности и психологического благополучия общества, демонстрирующего ежегодный рост ВВП, однако живущего в условиях криминализации, экономической и политической нестабильности [11], социальной и физической незащищенности большинства граждан, деградации морали и т.п. Трудно не согласиться и с тем, что «ранее свойственное большинству ощущение стабильности у многих сменилось чувством безысходности, угнетения, некой социальной отверженности» [Козырева и др., 2001, с. 245], хотя, конечно, вывод о том, что «в России... феномен ощущения стабильности своего положения отсутствует» [Дудченко, Мытиль, 2001, с. 618], выглядит преувеличением. А исследование основных страхов и тревог россиян демонстрирует, что среди таковых первые места занимают не только страх нищеты, но и тревоги, порожаемые беззаконием, криминализацией, национальными конфликтами и др. [Шубкин, Иванова, 2001].

Впрочем, было бы неверным умалять значимость макроэкономических показателей и их влияния на психологическое состояние общества. В частности, обнаружилась очень высокая, и имеющая очевидный социальный смысл отрицательная корреляция ($r = -0,91$) между этим состоянием и коэффициентом Джини (табл. 3), выражающим различия в уровне доходов десяти самых богатых и десяти самых бедных процентов населения. То есть если сами темпы прирастания «общего пирога» – ВВП – мало влияют на психологическое состояние основной части населения, то способы и результаты распределения этого «пирога» влияют очень значительно, и чем больше диспропорция в уровне доходов, тем хуже психологическое состояние общества.

Таблица 3

Коэффициенты корреляции (Пирсона) композитного индекса макропсихологического состояния российского общества с его социальными и экономическими показателями

Социальные и экономические показатели	Коэффициент корреляции
Естественный прирост населения	0,958
Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов)	-0,907
Число зарегистрированных преступлений	-0,740
Темпы прироста/снижения ВВП	-0,415
Ожидаемая продолжительность жизни	0,943
Численность больных алкоголизмом, зарегистрированных с диагнозом, установленным впервые	-0,963

Источник: расчеты авторов.

Создание жизнеспособного общества

Выявленная с использованием композитного индекса динамика психологического состояния нашего общества согласуется с картиной, полученной на основе других показателей. Так, например, социологическое исследование динамики *социального самочувствия* наших сограждан с помощью соответствующего индекса, включавшего подиндексы: 1) статусной идентификации; 2) удовлетворенности и стабильности существования, позволило выявить показанную в табл. 4 картину [Козырева и др., 2001, с. 248].

Таблица 4

Распределение респондентов по индексу социального самочувствия (в процентах)

Социальное самочувствие	1994 г. N=9168	1995 г. N=8708	1996 г. N=8342	1997 г. N=8669	1998 г. N=7568
Очень плохое	8,0	7,6	8,0	8,5	6,6
Плохое	31,5	32,5	31,0	37,4	21,9
Среднее	35,5	33,9	34,9	32,6	35,4
Хорошее	19,6	20,4	20,7	17,2	26,5
Очень хорошее	5,4	5,6	5,7	4,3	9,7

N – количество опрошенных. Источник: [Козырева и др., 2001].

Сравнение индекса социального самочувствия россиян в 1994–2000 г. – в период, за который он был вычислен социологами, с индексом макропсихологического состояния нашего общества демонстрирует, что они изменялись практически синхронно, демонстрируя улучшение ситуации с 1994 по 1998 г., ее ухудшение с 1998 по 2000 г. – после дефолта и, как считают социологи, вследствие дефолта [Козырева и др., 2001], а после 2000 г. – вновь начавшееся улучшение. Вместе с тем имеется и различие, состоящее в том, что индекс социального самочувствия «пошел на подъем» к 2001 г., в то время как вычисляемый нами индекс сделал это позднее – в 2002 г. Очевидно, оба индекса улавливают схожие тенденции, однако использованный социологами более «мягкий» индекс, видимо, более чувствителен к ним, фиксируя изменения, которые проявляются на уровне статистических показателей, лежащих в основе нашего индекса, несколько позднее.

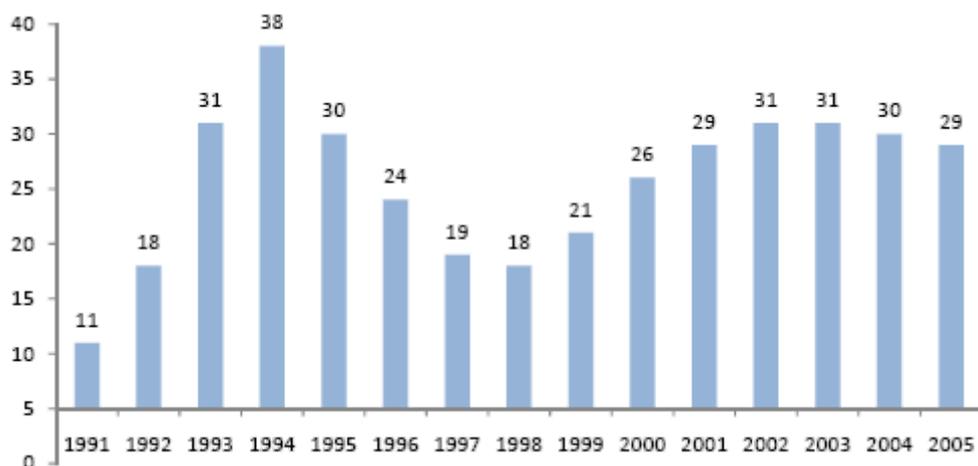
Проведенное социологами исследование одновременно продемонстрировало, что в 1998 г. был зафиксирован самый высокий за рассмотренный ими период уровень обеспокоенности наших сограждан неопределенностью своего существования, что высвечивает одно из главных социально-психологических последствий таких экономических событий, как дефолт. В частности, 83% опрошенных тогда выразили беспокойство по поводу нестабильности жизни [Козырева и др., 2001]. Впрочем, следует отметить, что и в относительно благополучном, то есть не отмеченном дефолтом, 1996 г. таковых было 78% [Там же], а массовое ощущение нестабильности жизни является одним из главных атрибутов современного российского общества, что подтверждается и данными других опросов.

Отметим и то, что хотя социологи констатируют «некоторое «просветление» общего эмоционального фона в обществе» [Козырева и др., 2001, с. 250], полученные ими данные демонстрируют, что надежду на изменения к лучшему выражают лишь 15–20% наших сограждан [Там же], то есть если и забрезжил «луч света в темном царстве», то «царство» в целом все еще остается довольно «темным». А сделанный этими исследователями вывод: «при всей неоднозначности истоков и содержания пессимистического мироощущения, окрасившего сознание довольно больших масс населения, их неудовлетворенность жизненными переменами является основой для социально-психологического дискомфорта и ухудшения социального самочувствия» [Там же. С. 252] – выглядит не менее пессимистично, чем описанное ими мироощущение.

Результаты других исследований также подтверждают, что неудовлетворенность наших сограждан своей жизнью превратилась в одну из главных характеристик современного российского общества. Так, в 1999 г. полностью удовлетворенные составляли лишь 3,8%, а скорее неудовлетворенные и полностью неудовлетворенные – 53,4%. При этом 67,8% опрошенных были не уверены или совершенно не уверены в своем будущем [Шубкин, Иванова, 2001], что, естественно, сказывалось на их психологическом состоянии. Еще более пессимистично, если не алармистски, звучит общий

вывод, который делают авторы описанного исследования: «Почти две трети населения России находится в состоянии сильной тревоги. Цифры характеризуют катастрофическое сознание населения» [Там же. С. 358]. В дальнейшем, правда, количество россиян, удовлетворенных жизнью, возросло (что соответствует улучшению психологического состояния нашего общества, оцененного с помощью композитного индекса), по некоторым расчетам, достигая 53% [Балацкий, 2005]. А сейчас «самочувствие россиян правильнее оценить как пограничное – "50х50"» [12] [Там же. С. 48], однако количество неудовлетворенных по-прежнему остается очень значительным [13].

Имеет смысл сопоставить психологическое состояние нашего общества и с таким показателем, как количество случайных отравлений алкоголем (рис. 6).

Рис. 6. Смертность от случайных отравлений алкоголем, на 100000 человек населения, 1991–2005 гг. Источники: [Заиграев, 2001; и др.].

Сопоставление соответствующих показателей демонстрирует, что они тоже изменяются практически синхронно, то есть ухудшение психологического состояния общества сопровождается увеличением количества алкогольных отравлений, имеющих летальный исход. Огромное количество смертей от фальсифицированного алкоголя, конечно, можно объяснить такими причинами, как его плохо контролируемое производство, аморальность значительной части отечественных предпринимателей, которым все равно, каким путем зарабатывать деньги, низкий уровень жизни наших сограждан, потребляющих наиболее дешевые и заведомо суррогатные спиртные напитки, и т.п. Однако сходная динамика количества отравлений спиртным и психологического состояния общества позволяет предположить, что свой вклад в эту печальную статистику вносит и психологическая безысходность, сопровождающаяся отсутствием заботы о своем здоровье. Улучшение же психологического состояния общества имеет следствием более бережное отношение наших сограждан к своему здоровью, что подтверждается и выявленной нами высокой отрицательной корреляцией между индексом макропсихологического состояния российского общества со статистикой заболевания алкоголизмом ($r = -0,963$) (табл. 3).

В пользу подобной интерпретации отравлений алкоголем говорит и тот факт, что в 1991 г. выбор спиртных напитков был куда меньшим, нежели, скажем, в 2000 г., цены на «благородные» напитки казались подавляющей части населения заоблачными, а в домах многих наших сограждан стояли самогонные аппараты, явившиеся закономерным порождением всеобщего дефицита и горбачевской антиалкогольной кампании. Однако травились спиртным тогда в два раза меньше, чем в 2000 г., когда дефицит алкогольных напитков уже стал преданием. Соответственно, основной причиной представляется не доступность спиртного, а отношение населения к своему здоровью, изменяющееся пропорционально психологическому состоянию общества.

Аналогичные закономерности проявляются при сопоставлении индекса макропсихологического состояния общества с заболеваемостью алкоголизмом и наркоманией (табл. 3). А вывод: «особенности современных социально-экономических процессов в России способствуют интенсивному развитию маргинальности и соответственно – росту наркотизации» [Позднякова, 2001,

с. 543] может быть дополнен утверждением о том, что наркотизации, равно как и возрастанию потребления спиртного, содействуют не только отмеченные социально-экономические процессы, но и психологическое состояние нашего общества. В данной связи уместно упомянуть также данные социологов о том, что алкоголизму, наркомании и суицидам во многом способствует такая характеристика общества, как низкий уровень социальной защищенности граждан [Мозговая, 2001], а также социальное недовольство. Как пишет Ю.А.Красин, «протест выражается в уходе из общественной жизни в сферу криминала, в наркоманию, алкоголизм, мистику и религиозный фанатизм. Подобная форма протеста не менее губительна, чем та, которую поэт назвал "бунтом жестоким и бессмысленным"» [Красин, 2006, с. 974].

Разумеется, неудовлетворительное психологическое состояние современного российского общества имеет и политические последствия. Так, например, в 1994 г., на первом пике его ухудшения, 43% россиян считали, что в нашей стране нет условий для демократии, поскольку принципы западной демократии несовместимы с российскими традициями. С 1989 г., когда страна переживала «демократическую эйфорию», по 1996 г., когда «демократический подъем сменился усталостью и апатией» [Красин, 2006, с. 975], доля сторонников сосредоточения власти в сильных руках возросла с 42% до 68%, то есть до явного большинства населения [Вебер, Галкин, Красин, 2001]. В 1998 г., на втором пике ухудшения психологического состояния россиян, более четверти опрошенных – 26,5% – высказались за диктатуру [Там же]. Аналогичные результаты демонстрируют и другие опросы, систематически проводимые отечественными социологическими центрами, а также психологические исследования [Шестопад, 2002; и др.]. А в середине 90-х недовольные общим курсом развития страны («сбились с пути» и т.п.) составляли абсолютное большинство [Кинсбургский, 2001]. При этом и после избрания нового президента, с которым была связана во многом оправдавшаяся надежда на стабилизацию в стране, доля недовольных, считавших, что «события ведут нас не туда, в тупик», стабильно превышала 50% [Там же]. Вплоть до 2000 г. нарастал и так называемый политический абсентеизм, выразившийся в росте количества воздерживающихся от участия в выборах и являющийся одним из главных показателей массовой апатии, недоверия к власти и политическим институтам [Вебер, Галкин, Красин, 2001].

В данной связи уместно вспомнить многократно подтвержденный и описанный в учебниках политологии факт, состоящий в том, что даже для жителей западных стран демократия не является абсолютной ценностью, а воспринимается в зависимости от того, что она дает каждому из них [The handbook of political action, 1981; Political psychology, 1986 и др.]. Если человек не ощущает позитивных последствий демократии *для себя лично* или если ее негативные проявления в его личной жизни перевешивают позитивные, то демократия постепенно утрачивает свои положительные ассоциации – со свободой, человеческим достоинством и др., и начинает восприниматься в негативном свете. Это происходит и в нашей стране, где взывание политиков к самоценности демократии и попытки оживить в народной памяти «ужасы тоталитаризма» все чаще звучат как глас вопиющего в пустыне.

Таким образом, несмотря на проявляющиеся в последние годы позитивные тенденции, психологическое состояние нашего общества, оцениваемое с помощью композитного индекса, остается крайне неудовлетворительным, что подтверждается и другими данными. А улучшение экономических показателей и такие предпринимаемые властными органами меры, как национальные проекты, пока мало сказываются на нем. Отсутствие радикального улучшения психологического состояния наших сограждан неизбежно повлечет за собой возрастание массовой аномии, социально-политической пассивности, недоверия к власти, а также нарастание алкоголизма, наркомании, дальнейшее сокращение численности населения и т.п. Для того чтобы переломить подобные тенденции, самого по себе экономического роста явно недостаточно, необходимы радикальные и эффективные меры по улучшению психологического состояния россиян и целенаправленное воздействие на факторы, его ухудшающие. Очевидно, пришло время признать неадекватность «экономического детерминизма», существенно изменить лежавшие в основе наших реформ представления об обществе и разворачивающихся в нем социальных процессах. Опыт развития нашей страны в течение 15 лет реформ убедительно продемонстрировал, что «кажущиеся выгоды курса на достижение экономической эффективности любой ценой закладывают мины замедленного действия под долгосрочные перспективы развития» [Вебер, Галкин, Красин, 2001, с. 196]. А более адекватная стратегическая цель – «создание жизнеспособного общества в жизнеспособной, экологически устойчивой среде» [Там же. С. 196] – предполагает признание важности

психологического состояния общества.

В заключение следует также отметить, что экономические меры по стимуляции рождаемости (пособия матерям и др.), как показывают расчеты, увеличивают ее не более чем на 15%, а типовые ответы наших сограждан на вопрос о том, почему они не желают иметь детей, выражают нежелание рожать их *в такой стране*. При этом «заметно, что в целом власть понимает, что общественные и личностные ценности тоже важны, но в части решений и выбора управленческих действий, в основном, все вновь и вновь сводится к социально-материальному фактору. Однако ответа на вопрос, почему не проектируются государственно-управленческие действия по воздействию на все, в том числе иные факторы, – до настоящего времени не находится» [Сулакшин, 2006, с. 23].

Намерение родить ребенка предполагает психологически сложное решение, как правило, принимаемое в условиях *психологического благополучия* семьи [Бойко, 1985]. Макropsихологическое состояние нашего общества обнаруживает очень высокую корреляцию с естественным приростом населения ($r = 0,96$) и со средней продолжительностью жизни ($r = 0,943$) (табл. 3). То есть *одной из главных причин тенденции к «вымиранию» населения России, с большой остротой проявляющейся в последние годы, является его психологическое состояние*. В результате, пока оно радикально не улучшится, трудно ожидать преодоления этой тенденции, являющейся одной из наших главных национальных проблем [14].

Литература

Балацкий Е.В. Методы диагностики социального самочувствия населения // Мониторинг общественного мнения. 2005. N 3. С. 47–53.

Балацкий Е.В. Факторы удовлетворенности жизнью: измерение и интегральные показатели // Мониторинг общественного мнения. 2005. N 4. С. 42–52.

Бойко В.В. Рождаемость. Социально-психологические аспекты. М.: Мысль, 1985.

Вебер А.Б., Галкин А.А., Красин Ю.А. Тенденции политического развития России // Россия: трансформирующееся общество. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 180–198.

Вундт В. Проблемы психологии народов. М., 1912.

Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006.

Гундаров И.А. Демографическая катастрофа в России: причины, механизмы, пути преодоления. М.: УРСС, 2001.

Давыдов Ю.Н. Российская ситуация в свете веберовского различения двух типов капитализма // Россия: трансформирующееся общество. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 64–76.

Дудченко О.Н., Мытиль А.В. Две модели адаптации к социальным изменениям // Россия: трансформирующееся общество. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 607–620.

Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. СПб.: Союз, 1998.

Журавлева И.В. Социальные факторы ухудшения здоровья населения // Россия: трансформирующееся общество. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 506–519.

Заиграев Г.Г. Алкоголизация: влияние общества и государства на ее динамику // Россия: трансформирующееся общество. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 520–531.

Кинсбургский А.В. Социальное недовольство и общественное поведение // Россия: трансформирующееся общество. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 335–347.

- Козырева П.М., Герасимова С.Б., Киселева И.П., Низамова А.Э.* Динамика социального самочувствия россиян // Россия: трансформирующееся общество. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 243–255.
- Красин Ю.П.* Политические аспекты социального неравенства // Вестник РАН. 2006. N 11. С. 971–977.
- Латин Н.И.* Пути России. М.: Ин-т философии РАН, 2000.
- Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб., 1896.
- Мозговая А.В.* Последствия бедствий и катастроф // Россия: трансформирующееся общество. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 563–575.
- Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. 2-е издание. СПб.: Питер, 2005.
- Позднякова М.Е.* Социальные и психологические последствия наркотизации // Россия: трансформирующееся общество. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 532–545.
- Рац М.В.* Идея открытого общества в современной России. М.: Магистр, 1997.
- Сулакшин С.С.* Российский демографический кризис: от диагностики к преодолению. М.: Научный эксперт, 2006.
- Шестопал Е.Б.* Образы власти в России конца XX века. Некоторые результаты исследования 1993–2002 гг. // Психология восприятия власти. М.: Мысль, 2002. Вып. 1. С. 31–52.
- Шубкин В.Н., Иванова В.А.* Страхи, тревоги, способность противостоять им // Россия: трансформирующееся общество. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 348–358.
- Юревич А.В.* Социальная релевантность и социальная ниша психологии // Психологический журнал. 2006. N 4. С. 5–14.
- Ядов В.А.* А все же умом Россию понять можно // Россия: трансформирующееся общество. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 9–20.
- Adams J.S.* Inequity in social exchange // Advances in experimental social psychology / ed. by L.Berkowitz. N.Y.: Academic Press, 1965. Vol. 2.
- Biderman A.A.* Social indicator, whence and whither? Washington, 1970.
- Keltner D., Locke K.D., Audrian P.C.* The influence of attributions on the relevance of negative feelings to personal satisfactions // Personality and Social Psychology Bulletin. 1993. Vol. 19.
- Polanyi K.* The great transformation. Boston: Beacon Press, 1957.
- Political psychology* / ed. by M.G.Hermann. San Francisco: Jossey-Bass, Publ. 1986.
- The handbook of political action.* Vol. 1 / ed. by S.L.Long. New York: Plenum Press, 1981.
- Toqueville A.* The Old Regime and the French revolution. New York: Anchor, 1955.

---

[1] Любопытным, равно как симптоматичным, обстоятельством является то, что эта «отрыжка марксизма» нашим экономистам-либералам, формально отвергнувшим марксизм, свойственна ничуть не меньше, чем его немногим сохранившимся адептам. Впрочем, в подобных случаях можно допустить и «защитный» характер узкоэкономических объяснений, позволяющих объяснить действия реформаторов «объективной» экономической необходимостью, которая снимает с них личную ответственность за эти действия.

[2] Изучение этого состояния относится к области макропсихологии – относительно новой области психологической науки [См.: Юревич, 2006]. Если традиционными объектами психологического исследования являлись отдельные психические процессы (память, внимание, мышление и др.), личность, малые и большие группы, то макропсихология изучает психологические процессы, релевантные обществу в целом, чем, в частности, отличается от социальной психологии, «заканчивающейся» на уровне больших социальных групп. А относительная новизна этой области психологического исследования связана в числе прочего и с тем, что труды основателей социальной психологии и психологической науки в целом – «Психология народов и масс» Г.Лебона [Лебон, 1896], «Проблемы психологии народов» В.Вундта [Вундт, 1912] и др. – были посвящены именно макропсихологическим сюжетам.

[3] Перечисленные на рисунке первичные индексы можно сгруппировать и другими способами. Например, объединив во вторичные индексы: 1) психические расстройства и смертность от заболеваний нервной системы и органов чувств; 2) социальное сиротство и устойчивость семьи; 3) убийства и самоубийства.

[4] Подчеркнем, что и первичные компоненты этих индексов тоже во многом психологизированы. Например, индекс удовлетворенностью жизнью, предлагаемый Е.В.Балацким, включает такие первичные показатели, как творческая самореализация, эффективные неформальные социальные контакты (дружба, общение, взаимопонимание, секс и т.п.) [Балацкий, 2005].

[5] Следует отметить, что вообще в данной, написанной профессиональным демографом, работе, которая посвящена причинам ухудшения демографической ситуации в современной России, социально-психологическим факторам придается первостепенное значение. Правда, автор обращается с психологическими понятиями нетрадиционным для психологии образом. В частности, констатируя, что «психология человека – очень неопределенный предмет» [Там же. С. 73], в качестве ключевого фактора, определяющего демографическое поведение, он обозначает «социально-психологические мотивации личности и населения», относя к последним «психологию разума, бессознательного, воли, веры и сверхсознательного» [Балацкий, 2005, с. 48–49].

[6] С.С.Сулакшин, например, по поводу вводимого им коэффициента витальности страны пишет: «введение данного параметра объясняется также стремлением операционализировать в управленческом и правовом смысле признание человеческой жизни высшим мериллом государственно-управленческой успешности» [Сулакшин, 2006, с. 27].

[7] Вообще следует отметить «запаздывающий» характер статистических данных, предоставляемых отечественными статистическими службами, что затрудняет расчет соответствующих индексов на основе более новых данных.

[8] Резонно предположить, что либо психологическая адаптация явилась следствием экономической и социально-политической адаптации, либо носила самостоятельный характер (можно психологически адаптироваться, привыкать к реалиям, к которым трудно адаптироваться экономически), либо, и скорее всего, имело место и то и другое. Следует также отметить, что, как показывают исследования, «ведущей компонентой адаптированности является не столько сегодняшнее позитивное самочувствие, сколько ощущение перспективности, «продолжительности» благополучия» [Дудченко, Мытиль, 2001, с. 615], то есть психологическое состояние человека.

[9] Вследствие всего этого дефолт, в результате которого значительная часть наших сограждан потеряла не только деньги, но и веру в начавшуюся стабилизацию, было бы неверно считать чисто экономическим событием, что иногда делается. Его социальные и психологические последствия были ничуть не меньшими, чем экономические.

[10] В случае Белоруссии, регулярно обвиняемой в недостатке, а то и вообще в отсутствии демократии, очевидно, сказывается и большая стабильность существующего там социально-политического режима, что демонстрирует непростую связь между «количеством» демократии и психологическим благополучием граждан.

[11] По данным опросов, двумя самыми «болевыми» проблемами нашего общества являются экономическая и политическая нестабильность, а также материальное положение семьи [Балацкий, 2005].

[12] Исследователь, получивший эти данные, впрочем, оговаривается, что количество удовлетворенных может быть завышено [Балацкий, 2005].

[13] В рамках подобных общероссийских тенденций, естественно, обнаруживаются и различия между разными категориями респондентов. Так, среди мужчин доля удовлетворенных выше, чем среди женщин. Среди факторов, определяющих удовлетворенность жизнью, для мужчин более значимы факторы, «непосредственно направленные на жизнеобеспечение», в то время как «женщины уделяют большее внимание личной безопасности, материальному положению, семейным отношениям, погодно-климатическим условиям жизни, экологии, социальной инфраструктуре и состоянию здоровья» [Балацкий, 2005, с. 50]. Богатые, разумеется, чаще довольны жизнью, чем бедные, хотя тоже не всегда довольны ею, что подтверждает широко известную формулу «не только в деньгах счастье», и т.п. [Там же]. Любопытно звучит и вывод относительно влияния на удовлетворенность жизнью мегаполисов: «Мегаполисы (Москва и Санкт-Петербург) оказывают разрушительное влияние на все стороны удовлетворенности жизнью людей. И, наоборот, крупные городские поселения с численностью жителей более 0,5 млн человек оказывают благотворное воздействие» [Там же. С. 51].

[14] Трудно не согласиться с тем, что «демографический кризис в нашей стране из гуманитарно-цивилизационного перешел в качественно новое состояние, а именно, угрозы национальной безопасности» [Сулакшин, 2006, с. 20].

Дата публикации 29 апреля 2009 г.

[Сведения об авторах](#)

Юревич Андрей Владиславович. Доктор психологических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института психологии Российской академии наук, ул. Ярославская, 13, 129366 Москва, Россия.

E-mail: yurev@orc.ru

Ушаков Дмитрий Викторович. Доктор психологических наук, заведующий лабораторией психологии и психофизиологии творчества, Институт психологии Российской академии наук, ул. Ярославская, д. 13, 129366 Москва, Россия.

E-mail: dv.usakov@gmail.com

Цапенко Ирина Павловна. Кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой экономики и международных отношений Российской академии наук ул. Профсоюзная, 23, 117418 Москва, Россия.

[Ссылка для цитирования](#)

Юревич А.В., Ушаков Д.В., Цапенко И.П. Количественная оценка макropsихологического состояния современного российского общества [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. N 2(4). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[К началу страницы >>](#)